

ГЛАВА 1

Рабочий стол был длинным, как взлетная полоса. Он дурно влиял на секретаршу, рождая в ней непомерное чувство собственной значимости. Благодаря этому канцелярскому бастиону она ощущала власть над всяким, кто входил в приемную, и наслаждалась ею.

Нежданную посетительницу секретарша зорко оглядела с ног до головы. Красивая блондинка! Не из тех, что вскормлены экологически чистыми продуктами, напитаны французской минеральной водой и обряжены в эксклюзивные тряпки. У этой точно нет надежного тыла. Никто не оплачивает ее маленькие глупые прихоти. Вероятно, у нее и прихотей-то особых нет. Уж слишком деловой и самостоятельной она выглядит. Скромный костюмчик, туфли на низком каблуке, светлая помада. Волосы забраны в незамысловатый пучок. Войдя в приемную, блондинка широко улыбнулась, как будто увидела старую подругу.

Секретарше было далеко за тридцать, и она до сих пор не смогла устроить личную жизнь. Ей казалось, что другие женщины не испытывают подобных проблем, и ненавидела их за это. Блондинку она тоже сразу возненавидела. Потому что шеф, узнав, что пришла Лайма Скалбе, — именно так звали эту штучку! — велел пропустить ее немедленно и даже перенес совещание, которое должно было начаться с минуты на минуту.

Прежде чем войти в кабинет Шаталова, Лайма

сделала глубокий вдох, готовясь к испытанию. Скорее всего, опять придется врать. Но делать это надо мастерски, потому что даже самый выдержанный мужчина, сообразив, что его водят за нос, немедленно забывает о великодушии и хороших манерах.

— Лайма! — воскликнул Шаталов, выбираясь из-за стола, заваленного бумагами. — Вот так сюрприз!

Геннадий Шаталов недавно развелся и некоторое время пребывал в убеждении, что женщины еще долго будут вызывать у него недоверие и даже отвращение. Однако, встретив Лайму, забыл о пережитых неприятностях: сильные чувства с поразительной быстротой расправляются с доводами рассудка.

— Я унесла твой мобильный телефон, — призналась она и протянула упомянутый предмет хозяину. — Ты отключил все сигналы, поэтому я его не сразу обнаружила. Случайно сунула его в сумку, когда звонила бабушке. Извини, пожалуйста.

Она выглядела великолепно. Даже несмотря на свой скучный костюм и пуританскую прическу. Глаза у нее были ясные, лучистые, скулы высокие, рот крупный, с полными губами, такими притягательными, что у Шаталова начинало ныть в груди, как только он задерживал на них взгляд. А какие у нее ноги! Стройные, с тонкими щиколотками и крутым подъемом. Такие ноги нужно рассматривать как национальное достояние. Кроме всего прочего, Лайма была умной и чертовски милой. То есть казалась совершенной во всех отношениях, однако...

Однако у нее была тайна. Шаталов знал это абсолютно точно. Лайма Скалбе жила очень странной жизнью: вела таинственные телефонные переговоры, срывалась с места в любое время дня и ночи, надолго вы-

падала из его поля зрения и вдобавок ко всему имела в своем распоряжении дюжину машин, разъезжая то на раздолбанной колыхаге, то на новенькой иномарке. Порой ее сопровождали подозрительные типы, прятавшие лица, когда он пытался их как следует рассмотреть.

Шаталову никак не удавалось выяснить, чем она занимается. Лайма говорила, что служит в Независимом центре культуры заместителем директора. Недавно власти выселили центр из старого доходного особняка и теперь подыскивают для него другое помещение, попроще. Именно с этими пертурбациями, уверяла Лайма, и связаны все ее сегодняшние проблемы — беготня и нервотрепка. Шаталов ей не верил. Невзирая на нежные отношения, эта женщина скрывала от него нечто важное.

В настоящий момент он смотрел в ее ясные глаза и видел там космос — миллиарды парсеков разреженного пространства с припрятанными в глубинах неведомыми мирами.

— А я решил, что трубку у меня свистнули, — весело признался он, проверяя, сколько пропустил звонков. — Кстати, Лайма, как насчет того, чтобы перебраться ко мне? Мы мечемся из твоей квартиры в мою, как-то глупо получается.

У Шаталова была та мужественная внешность, которая привлекает прекрасный пол гораздо сильнее, чем просто смазливая физиономия. Его жесткий и внимательный взгляд раскалывал женские сердца, словно орехи, оставляя их обладательницам жалкие скорлупки. Мощный, идеальной формы подбородок выдавал несокрушимого упрянца. Именно такого мужчину осо-

бенно хочется заставить страдать. Чтобы он наконец поддался чувствам.

— Переехать к тебе? — переспросила Лайма, ощутив внезапную дрожь в коленках.

Она никак не могла переехать к Шаталову. Это исключено. Невозможно! Но вдруг он смертельно обидится и бросит ее? Разрыва ей не пережить. Этот мужчина нравился ей очень сильно, так сильно, что она готова была лгать и изворачиваться до последнего.

— Э-э-э... — протянула она. Шаталов отчетливо понимал, что в голове ее со страшной скоростью прокручиваются возможные варианты ответов. Наконец она подобрала наиболее удачный, вскочила на ноги, шагнула вперед и положила руки ему на плечи. Взгляд ее сделался по-детски завиральным. — Конечно! Это замечательно. В самом деле замечательно! Мы так и сделаем. — Геннадий незаметно перевел дух. — Только завтра. Потому что сегодня у меня дела, и я понятия не имею, когда вернусь. Согласись, глупо планировать столь серьезный шаг, не представляя, в котором часу освободишься.

— Завтра? — переспросил Шаталов, а про себя безрадостно подумал: «Все, как я и ожидал».

В голову лезли отвратительные мысли. Она — продажная женщина и по ночам надевает чулки в сеточку, вызывая клиентов по телефону в спальню с шелковым балдахином. Или нет. Она — мошенница. Завлекает и обворовывает состоятельных мужчин, предварительно опоив их какой-нибудь дрянью. Она находит их в ресторанах или гостиницах, флиртует, потом поднимается в номер люкс...

— Завтра я буду точнее знать свой распорядок дня,

и мы все-все распланируем! — с фальшивым оптимизмом добавила Лайма.

— И ты перевезешь ко мне свои вещи? Любимую чашку, кактусы, кошку...

— У меня аллергия на кошек, — мгновенно среагировала Лайма.

— Но в принципе ты согласна?

— Да, милый, да!

Она вся светилась радостью, как будто только что получила предложение руки и сердца. Подумав об этом, Шаталов непроизвольно засунул руки в карманы — на безымянном пальце все еще белел след от тесного обручального кольца, с которым он расстался без всякого сожаления.

— А сейчас — извини, я очень спешу, — сказала Лайма, потянувшись к нему и горячо поцеловала.

Потом достала помаду, мазнула по губам, несколько раз соединила и разъединила их, чтобы распределить цвет как надо, и в качестве заключительно-го аккорда щелкнула замком сумки.

— Пока, милый! Я так рада, что мы не стали дожидаться вечера и выяснили все прямо сейчас.

— Я тоже ужасно рад, — соврал Шаталов, который после работы собирался купить бутылку коньяка, напоить Лайму и вытрясти из нее правду. Один раз он уже предпринял такую попытку, но его жертва очень быстро потеряла человеческий вид и после нескольких рюмок спиртного свалилась замертво.

Едва за Лаймой закрылась дверь, Шаталов бросился к столу, выключил компьютер и спрятал важные бумаги в сейф. Решительно вышел из кабинета, бросив секретарше на ходу:

— Меня не будет до завтра, Наталья.

— Хорошо, Геннадий Борисович, — ответила та подобострастным тоном.

Но при этом поджала губы. Еще бы не поджать! Приходит незнакомая блондинка, и шеф стремглав убегает вслед за ней из офиса, хотя на вечер запланировано столько важных встреч! Впрочем, он еще пожалеет. Потому что красивые женщины подобны несчастным деньгам — устоять перед ними невозможно, но рано или поздно они обязательно принесут несчастье.

Тем временем Лайма села в неприметную машину с пыльными боками и вырулила со стоянки. Следить за ней было нетрудно — она ездилa неторопливо, держась середины шоссе, как старый кучер, управляющий двуколкой. Шаталов подождал, пока ее машина вольется в поток транспорта, и двинулся следом. Отпустил ее от себя довольно далеко — на всякий пожарный. Сейчас между ними был с десяток автомобилей, сбивавшихся на светофорах в тесную стаю.

Через некоторое время стало ясно, куда лежит их путь. В международный аэропорт, вот куда. Шаталов напрягся. Что, если Лайма охотится не на отечественных бизнесменов, а на богатых иностранцев? Впрочем, он тут же отогнал от себя эту мысль. Никто не поедет охмурять миллионера в офисном костюме и практически без макияжа. Нет, тут дело в другом. Может быть, она контрабандистка? Встречает курьеров, которые возят через границу наркотики или бриллианты? Это больше похоже на правду. Выходит, женщина его мечты — преступница? Шаталов не хотел в это верить. Но решил выяснить все до конца. Или пан, или пропал.

Очутившись в здании аэропорта, он сразу же метнулся в сторону, туда, где толпились люди, чтобы Лай-

ма, случайно оглянувшись, его не засекала. Смешавшись с толпой, он стал наблюдать за ней издали.

Примерно четверть часа она дефилировала по залу со скучающим видом. Ждала кого-нибудь? Шаталов купил газету, развернул ее и заслонился шуршащей бумагой, отчаянно мешая всем, кто проходил мимо. Но вот Лайма посмотрела на часы и направилась к киоску, торгующему разными мелочами, которые могут пригодиться путешественнику в дороге. Шаталов сложил газету, сунул ее под мышку и двинулся следом, прячась за особенно широкими спинами. Он вел себя, как супруг, почувствовавший, что у него режутся рога, и стремящийся во что бы то ни стало узнать, кто его соперник! Мужчины не могут устоять ни перед одной, даже самой маленькой тайной. По правде сказать, мужское любопытство сгубило больше браков, нежели женская неверность.

Невысокий крепыш, толкавшийся возле Лаймы, которая копалась в своей сумке, неожиданно развернулся и быстро выбрался из толпы, нервно оглядываясь. Глаза его лихорадочно блеснули. Шаталов насторожился. Поколебался, потом последовал за ним и увидел, как крепыш поднес к губам миниатюрное переговорное устройство. Через минуту стало ясно, что это человек из охраны аэропорта.

— Молодая женщина в сером костюме, — негромко сказал он. — Светлая сумка на плече. Возможно, в сумке оружие. Огнестрельное. — Он оглянулся назад и добавил: — Направляется к центру зала.

Шаталов метнулся к киоску и растолкал короткую очередь.

— Здесь стояла моя жена! — воскликнул он, выхватывая из бумажника крупную купюру.

Задыхаясь от волнения, купил первую попавшуюся дамскую сумочку, расческу, крем для загара и блокнот. Мгновенно запихнул все это внутрь, на глазах у изумленной продавщицы зубами отгрыз от сумки бирку и убежал, забыв о сдаче.

Лайма была уверена, что в настоящий момент Шаталов сидит в своем просторном кабинете и делает важные заметки ручкой с золотым пером. Когда она увидела его прямо перед собой здесь, в аэропорту, то от неожиданности открыла и закрыла рот, громко сглотнув. И тут же подумала, что он сейчас громко воскликнет: «Вот так встреча!» Однако Шаталов с каменным лицом прошел мимо, лишь приостановился на секунду и, не поворачивая головы, прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Отдай мне свою сумку! К тебе идет охрана. Они знают об оружии. Тебя будут проверять. Держи вот эту.

Лайма охнула и сделала, как он велел, — отпустила свою собственную сумочку и взяла ту, которую Шаталов совал ей в руки. Он едва успел отойти, когда на Лайму с двух сторон надвинулись охранники и предельно вежливо попросили ее следовать за ними. Она согласилась, обольстительно улыбнувшись каждому в отдельности.

Шаталов тем временем отыскал туалет, пулей влетел внутрь, забился в кабинку и принялся терзать свой трофей. Внутри действительно находилось оружие. Маленький, можно сказать, изящный пистолет был засунут дулом вниз между косметичкой и мобильным телефоном. Шаталов подержал его в руке, хмыкнул и, опустив в карман, продолжил обследование. В сумке оказалось три отделения. В каждом из них лежало по

паспорту. Ни одного — на имя Лаймы Скалбе. Однако на всех трех фотографиях была именно она.

— Вот это да! — пробормотал Шаталов.

Неужели он предложил свой кров врагу родины?! Поверить в это было сложно, да просто невозможно! Он сунул документы на место, присовокупив к ним пистолет, защелкнул сумочку и вышел из кабинки. Чтобы прийти в себя, плеснул в лицо холодной водой. Вода намочила лацканы пиджака и потекла за воротник. Выпрямившись, Шаталов уставился в зеркало. Оттуда на него смотрела собственная сердитая физиономия. Ну почему, почему его словно магнитом тянет к дурным женщинам? Жена, с которой он не так давно развелся, откусила от его пирога шикарную квартиру и половину банковского счета. Когда бумаги о разводе были подписаны, она с удовольствием рассказала, как охотилась за деньгами, разработав стратегический план завоевания его глупого сердца.

Шаталов нервно закурил и машинально положил в Лаймину сумочку зажигалку. Возможно, Лайме Скалбе от него тоже что-то нужно? И он — лишь винтик в ее игре? Шаталов не желал быть винтиком. Да, он влюбился, но не до такой степени, чтобы ради любимой женщины потерять голову. Настоящие мужчины теряют голову только в смертельном бою, а уж никак не на любовном фронте.

Он вышел из туалета и двинулся в том направлении, куда, как он видел, охранники повлекли Лайму. Ее наверняка уже обыскали и выпустили. Если, конечно, у нее не оказалось при себе еще одного пистолета или, на худой конец, ножа с узким лезвием.

Лайма стояла на том самом месте, откуда ее увели, и беспокойно озиралась по сторонам. Увидев Шатало-

ва, заметно оживилась. Помахала рукой. Он тоже помахал ей, но довольно вяло. Пока он шел, за ее спиной появились люди с камерами и мохнатыми микрофонами на длинных шестах. Телевизионщики. Энергичные и остроглазые, они сбились в кучу и развернулись так, чтобы не пропустить ни одного прибывшего в аэропорт пассажира. Здесь явно подстерегали какую-то знаменитость.

— Что все это значит? — спросила Лайма, когда Шаталов наконец приблизился к ней и протянул сумку.

— Можешь не проверять, — сухо заметил он. — Пистолет на месте, так же как и фальшивые документы. Особенно впечатляюще ты смотришься на фотографии в паспорте Татьяны Прутник. Или это твоя настоящая фамилия — Прутник? А?

— Геннадий, я тебе потом все объясню, — вполголоса ответила Лайма, шныряя глазами по сторонам. — Ты выбрал неподходящее время для выяснения отношений.

— Я выбрал?! — возмутился он. — Да если бы не я, ты уже сидела бы в кутузке!

— Я выполняю важное государственное задание.

— Ха-ха-ха!

— Твой смех неуместен. — Лайма сдвинула брови, и на лбу у нее появилась маленькая глубокая складка. — Ты можешь помешать спецоперации.

— Пока ты мне все не объяснишь, я не уйду. Я сорву твою спецоперацию к чертовой матери, — пообещал Шаталов, и Лайма поняла, что он именно так и сделает.

— Я от тебя такого не ожидала! — запальчиво воскликнула она.

— Я от тебя тем более такого не ожидал.

Они стояли и сверлили друг друга глазами. Наконец Лайма сдалась.

— В двух словах этого не объяснишь, Геннадий.

— И не надо в двух словах, — пожал тот плечами. — У меня навалом времени, я убежал со службы.

— Ну, хорошо, — Лайма нетерпеливо переступила с ноги на ногу. — Нам нужно уединиться. В моем распоряжении не больше четверти часа.

— Думаю, этого хватит, — ободрил Шаталов и потянул ее за руку в сторону кафетерия. — Выпьем по чашке кофе и поговорим.

Соврать было просто нечего. Три паспорта и пистолет связали Лайму по рукам и ногам. Но правду говорить нельзя ни в коем случае, ее предупредили на этот счет. Кроме того, правда опасна. Вдруг Шаталова убьют? Однако тот вовсе не думал об опасности. Он подвел ее к столику в уютном уголке и уселся напротив. Официант, работающий в ускоренном режиме, обмахнул полотенцем столешницу, молниеносно притащил сахарницу, швырнул салфетки, брякнул на них приборы и убежал за заказом.

— Рассказывай, — подбодрил ее Шаталов, сложив руки на груди. — Зачем тебе пистолет и фальшивые документы?

Лайма тяжело вздохнула. Сделала вид, что все еще ведет внутреннюю борьбу. В конце концов чувство долга было вроде бы уложено на обе лопатки.

— Какой ты злой и неуступчивый, — пробормотала она.

— Да, я злой. Злым быть лучше, чем добрым. У добряков мягкое сердце, рыхлое тело и пустой бумажник. И так...

— Я работаю на правительство, — свистящим ше-